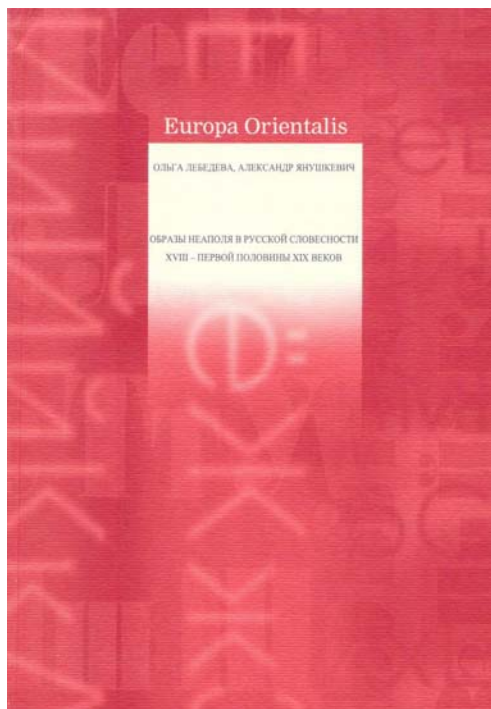

Лебедева Ольга, Янушкевич Александр. **Образы Неаполя в русской словесности XVIII – первой половины XIX веков** / ред. М. Капальдо и А. д'Амелия. Салерно, 2014. 436 с.

Предлагаемая книга является первой попыткой имагологического осмысления неаполитанского текста русской словесности в период формирования его первообраза – от текстовых свидетельств XVIII в. до момента первого расцвета русско-неаполитанского травелога в книге В.Д. Яковлева «Италия. Письма из Венеции, Рима и Неаполя. 1847» (СПб., 1855). Целью авторов была попытка реконструкции так называемого «интертекста» описаний Неаполя в разных жанрах русской словесности, документальных (письма, дневники), документально-художественных (путевые записки) и художественных (лирика и художественная проза). Хронологические рамки исследования ограничены 1850–1860-ми гг. вполне сознательно: в этот период неаполитанский первообраз начинает модифицироваться и на первые позиции дескрипции постепенно выходят другие приоритеты. Основной задачей книги является реконструкция

концептосферы неаполитанского текста русской словесности, на своем первом уровне предполагающая вычленение лейтмотивных словесных мотивов и образов, переходящих из текста в текст. Проблематика отдельных глав работы продиктована именно этой задачей: в ней нашли отражение климатические, дендрологические, ландшафтные, урбанистические, характерологические, антропологические, исторические, эстетические и, наконец, мифопоэтические концепты русской неаполитаны, сформированные сквозными и функционирующими на интертекстуальном уровне словесными мотивами: именно они в своей совокупности создают то самое интертекстуальное единство, которое в современном литературоведении определяется как «городской текст».

В серии «Восточная Европа» (Collana di Europa Orientalis) отделения гуманитарных исследований при университете Салерно (Dipartimento DIPSUM – Università di Salerno) издана и появилась в России монография профессоров филологического факультета Томского государственного университета О.Б. Лебедевой и А.С. Янушкевича «Образы Неаполя в русской словесности XVIII – первой половины XIX веков» под редакцией итальянских русистов Марио Капальдо и Антонеллы д'Амелия.

Стоит отметить, что монография создавалась и издана не под влиянием новейшей установки на связи с европейскими университетами: идея создания и издания монографии родилась органично в ходе многолетнего служения томских профессоров русской литературе, имеющего глубокие вековые связи с европейской культурой. Работа над образом Неаполя и неаполитанского природно-культурного локуса в русской литературе началась после осозна-

ния лакуны в объяснении очевидного факта: мощного текстопорождающего влияния образа одного из итальянских топосов, однако затемнённого в культурной памяти литературоведов образами Рима и Венеции, репрезентирующими итальянский мир. Факты, приведённые, а главное, интерпретируемые в монографии, заставляют поразиться сильной и многозначной ролью неаполитанского комплекса образов, к которым обращалось сознание русских писателей как к символическому языку познания итальянского мира, а вместе с этим через посредство итальянской культуры, как к языку миромоделирования.

То, что монография издана в Италии, – свидетельство верности итальянских славистов русской культуре, признания эвристичности собранного и представленного для неожиданного узнавания материала, удвоенной русскими учёными интерпретации: интерпретации русской литературы, создавшей свою интерпретацию одного из феноменов итальянской культуры – неаполитанского природно-культурного комплекса. Факт русскоязычного издания вызывает уважение: понимание значимости «первоинстанции» – трактовки русской литературы русскими филологами на их собственном языке, позволяющем приблизиться к непереводаемым нюансам смыслов.

Метод исследования истории литературы через семантику и поэтику образов отдельных локусов мира неуниверсален, но продуктивен, сродни исследованию сюжетных мотивов, согласно А.Н. Веселовскому, фиксирующих повторяющиеся ситуации и отвечающих на универсальные вопросы бытия. Обратившись к истории возникновения и развития образа неаполитанского пространства, соединившего природу и историю, прошлое и настоящее в русской литературе с конца XVIII до середины XIX в., исследователи обнаруживают механизм рождения образных схем, образных формул, дающих толчок для жизни как самих символизирующихся форм, так и для их содержания. По сути, в истории символических форм, организующих неаполитанский комплекс образов, обнаруживается история понимания, во-первых, ионациональной культуры (итальянской, европейской в целом); во-вторых, история миропонимания, проявившегося в русской литературе о Неаполе.

Думается, термин *имагология*, вводимый авторами монографии, приживётся, несмотря на опасность расширительного толкования, заложенного в семантике (*слово об образе как таковом*), тогда как предполагается терминологическое использование слова *имагология* – исследование процесса рождения и закрепления текста о некоем природно-культурном локусе в качестве символической формулы, закрепляющей устойчивые универсальные значения (онтологические, культурные) и сюжетно-дискурсивные практики. Возможности такого исследования авторы монографии демонстрируют убедительно. Во-первых, не ограничиваясь отдельными текстами о Неаполе, но и не сводя работу к перечню текстов, исследователи дают широкий экскурс литературы о Неаполе и о неаполитанском ландшафте начиная с первых травелогов, зафиксировавших в слове описания этого географического и культурного пространства; продолжая исследованием биографических фактов, свидетельствующих о воздействии природы и артефактов неаполитанского феномена на жизнь русских писателей (судьба Батюшкова, Баратынского, Гоголя); расширяя материал анализом художественной рецепции в русской поэзии (по преимуществу), где возникает широкое интертекстуальное поле

мировой литературы, в которую входила русская литература с конца XVIII в. Высокая словесность, как показывают авторы монографии, питалась литературой *non fiction* и создавала более универсальный язык не только описания неаполитанского локуса, но и разговора о человеке в мире, расширяющемся и пространственно и во времени.

Хронологически исследование начинается с первого травелога, где первые неаполитанский локус зафиксирован национальным сознанием как некое отличное от «своего», но косноязычным языком «своих» национальных образов и ассоциаций. Завершается исследование серединой XIX в., когда новая, реалистическая, эстетика потребовала коррекции мифологизированного восприятия неаполитанского образного комплекса, тем не менее питаясь устоявшимися культурными знаками. Обозначен и мостик к литературе XX в., вынужденной возвращаться к традиции изображения неаполитанского пространства, – роман Д. Мережковского, в котором художественная версия реального факта русской истории (отъезд царевича Алексея из неаполитанского спасения на гибель в Россию), исходит не только из версий историков, но и из символического восприятия антиномичности неаполитанского локуса, где гибель и возрождение нераздельны. Трагическое сознание XX в., несомненно, находило соответствие в неаполитанском мифе; жаль, что исследователи остановились на середине XX в., снова оставив нераскрытым очевидное, но невидимое другим.

Итак, книга является первой и успешной попыткой имагологического осмысления неаполитанского текста русской словесности в период формирования его первообраза в травелогах XVIII в. (*«Путешествие стольника П.А. Толстого»*) до расцвета русско-неаполитанского травелога в книге В. Яковлева *«Италия. Письма из Венеции, Рима и Неаполя. 1847»* (СПб., 1855). П.А. Толстой, выделив топос Неаполя в природном обрамлении, привнес семантику «чуда» в восприятие реального географического места, т.е. положил начало символизации и мифологизации природных образов и артефактов, связанных с Неаполем. С архаичного текста П. Толстого авторы монографии выстраивают процесс контаминации русского сознания с инациональной культурой: наложение восприятия Неаполя на стереотипы русского мышления, даже после Петровских реформ близкого средневековой внеисторической модели мира.

Авторы монографии реконструируют «интертекст» описаний Неаполя в разных жанрах русской словесности – документальных (письма, дневники), документально-художественных (путевые записки) и художественных (лирика и художественная проза), показывая вхождение русской словесности в контекст образного языка мировой литературы. Так, лейтмотивный романтический образ райского места утвердился под влиянием гётевского образа из романа *«Годы учения Вильгельма Мейстера»* (1795). В книге интерпретируются те ландшафтные, урбанистические, антропологические, исторические, эстетические и мифопоэтические концепты русской неаполитаны, которые создают «текст» Неаполя. Но, в отличие от других «городских текстов», неаполитанский текст более связан с семантизацией природного пространства: неаполитанский залив и солнце, острова (Капри) и скалы, курящийся вулкан и роскошная флора, рай и ад в одном месте – эта миромоделирующая семан-

тика природных образов вбирает в себя историческое время, не менее катастрофическое, напоминающее и о власти природной стихии, и о силе культуры, хранимой в развалинах и заново возрождающейся.

Мортально-витальный смысл неаполитанского текста, сложившегося в XVII–XIX вв. в русской словесности, опирался на тысячелетнюю культурную традицию указывать на расположение входа в аид, на историческую память о погребённых и засыпанных пеплом городах, ставших нетленными после смерти, на мифологизированные судьбы героев, императоров и национальных поэтов, Энея, Тиберия и Вергилия – всё это порождало как натурфилософские, так и социокультурную рефлексию русских путешественников, обращённую не только на итальянский «рай», но и на судьбу собственной нации. Так, тема итальянских карбонариев стала языком социальной рефлексии русских писателей о положении собственного отечества. Безусловно и значение персональной встречи русских художников-путешественников (Батюшкова, Баратынского, Гоголя) с неаполитанским пространством. Наконец, феномен Пушкина, способного соединить эмпирический опыт с опытом культурным, «текстовым», убедительно представлен в анализе следов неаполитанского мифа в творчестве русского поэта, как известно, лишённого возможности прямой встречи с инонациональным миром. «Четыре этюда о пушкинской неаполитане» с удивлением обнаруживают эхо неаполитанского мифа в стихах, пусть немногочисленных, и прозе («Египетские ночи», в которых тип итальянского импровизатора соотнесён именно с Неаполем).

Пушкин увидел образ Неаполя в Крыму, соединив эмпирический смысл созерцания места-рая и образ, созданный в текстах видевших неаполитанские реалии.

Работа томских литературоведов, следующих канонам научной обстоятельности и дескриптивности, имеет отчётливый *рас-следовательский*, детективный сюжет. Увлекательность имеет причиной не адресацию к широкому читателю, а личный герменевтический интерес интерпретаторов. Некий интеллектуальный детектив представляет не только глава о сюжете царевича Алексея в романе Д. Мережковского, но и расследование знаков неаполитанского места у Пушкина, расследование пребывания Гоголя в Неаполе и духовного смысла этого вхождения Гоголя в стихию народной самовозрождающейся жизни. Временное воскресение Гоголя в Неаполе, не предотвратившее его конца, – это глубокая биографическая версия литературоведов, опирающаяся на факты, но выводящая к недоступным для окончательного понимания экзистенциальным смыслам поступков и выбора великих художников. Версия духовного «перепутья» Гоголя выходит за границы чистого профессионализма, обнаруживает герменевтические интенции исследователей.

Мортально-витальный смысл неаполитанского текста трактуется не только как культурный феномен, но и как знаки бытия. Мифогенность географических локусов соединяется с мифом о взаимодействии культуры и природы: Неаполь – города в окружении природы, вулкан – напоминание о смерти и обустроенный людьми оазис культуры, вечно возрождаемый из небытия буквально и вербально, в поэзии. Знаки прошлого (вечного?) и возрождённого в Неаполе обращают к образу города вечно бурлящей жизни народа.

Филологический аспект в работе связан с исследованием становления дискурса, речи, на которой передавались впечатления от неаполитанского локуса. Даже обилие цитат, дающих документальную основу выводам исследователей, но прежде всего их комментарии показывают процесс рождения устойчивых вербальных обозначений, а в развитии русской речи – изменение национальной ментальности. Но обратим внимание и на актуальный аспект современной культуры – всякая мифологизация завершается демифологизацией, не отменяющей, но проверяющие культурные мифы. В монографии обнаруживается эта тенденция к демифологизации, например, в творчестве романтика И. Мятлева, создавшего травестию жанра путешествия в «Сенсациях и замечаниях госпожи Курдюковой».

Более важным представляется выявление антропологического восприятия Неаполя, параллельного в период господства романтизма (новеллы В. Одоевского) и усиливающегося к середине XIX в.: обнаружение в неаполитанской городской публике животворящей и амбивалентной народной стихии, открытие силы природного в человеке, не поддающегося окультуриванию, разрушительно-созидательного в человеке. Речь идёт не о карнавальной традиции, а о карнавализованности бытовой жизни в неаполитанском пространстве – жизни равно в море и на суше, на острове и на материке, у огня и у воды, между прошлым и сегодняшним. Цитата в названии одного из разделов монографии точно выражает амбивалентность не только природной, но и социальной стихии жизни: «Труд и зло, праздность и счастье тут означают одно и то же». В спорах о «восстании масс» XX в. обнаруженный исследователями поворот неаполитанского мифа обращает внимание на опыт прошлого, не потерявшего актуальности.

Итак, монография показывает рождение неаполитанского текста, формирование символического комплекса образов и смыслов в романтической традиции, наконец, смену его природно-культурного дискурса на социокультурный к концу XIX в. Движение к социально детерминированному человеку, обусловившее антропологизацию неаполитанского текста, вновь заставляет говорить о значении литературы *non fiction* (В. Броневского. И. Греча, А. Зилова, М. Погодина). Объективность позиции исследователей, обращающих внимание на тексты разной эстетической значимости, на тексты разных жанровых законов (травелоги, лирика, нарративная проза вымысла), как и в анализе истоков, даёт обоснованные выводы, которые выходят за пределы рассматриваемой темы, выводят к проблемам искусства, осваивающего мир с помощью символизации образов реальности, создающего язык миромоделирования, а затем испытывающего его на универсальность, общезначимость.

Аспекты замысла авторов книги обозначены в её построении.

Глава I «Кольцо неаполитанского текста русской словесности: реальный человек и литературный персонаж» представляет рождение текста из реального факта: знакомство стольника Петра Толстого в Неаполе и поиск загадки исторической тайны русского цесаревича (*тайны замка Сант-Эльмо в Неаполе*) в череде документов, текстов, мифов, на которые опирается Д. Мережковский.

Глава II даёт систему «Мифогенных концептов, персоналий и топосов неаполитанского текста русской словесности: *Везувий, гробница Вергилия, Капри и др.*

Глава III «Коллективные и персональные тексты русской неаполитаны» обращается к художественной словесности, воссоздающей образы неаполитанского локуса: сюжет о карбонариях, «неаполитанский альбом» русского романтизма 1820–1860-х гг., «неаполитанский альбом» В.А. Жуковского. Особенное место в этой главе занимает раздел, обращённый к связи художественных текстов и биографического текста Неаполя в судьбе К. Батюшков, Е. Баратынского, Н. Гоголя.

Глава IV «Антропология и космогония неаполитанского текста русской словесности...» опирается на свидетельства о народной жизни Неаполя, особое внимание уделено «*Письмам об Италии*» В.Д. Яковлева.

Текст авторов монографии дополнен публикацией главы из книги Н.И. Греча «Письма с дороги по Германии, Швейцарии и Италии», иллюстраций картин и рисунков художников, библиографией «Городские и пейзажные впечатления в русской неаполитане XVIII – начала XX веков», составленной Данатой ди Лео (Неаполитанский университет Л'Ориентале), где упомянуты и художники советского времени.

Человек и нация познают себя в процессе познания другого? Книга о становлении и вхождении в русское культурное сознание неаполитанского мифа даёт интересный материал, подтверждающий эту общую мысль. Книга адресована прежде всего русистам, филологам, предмет исследования которых – русская литература. Другой круг читателей – культурологи, занимающиеся приоритетной проблемой во второй половине XX в. – проблемой рецептивной эстетики, как историей восприятия текстов культуры, так и историей восприятия инациональных миров в их бытовой и духовной традиции. Наконец, книга должна быть интересна читателям, осознающим важность культурного знания, в том числе и итальянцам, имеющим возможность увидеть себя в зеркале русской литературы.

*Т. Рыбальченко,
канд. филол. наук, доцент кафедры истории русской литературы XX века
Томского государственного университета*

Rybalchenko Tatiana L., Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: talery.48@mail.ru

Book Review: Lebedeva Olga, Yanushkevich Aleksandr. *Obrazy Neapolya v russkoy slovesnosti XVIII – pervoy poloviny XIX vekov* [Images of Naples in the Russian Philology of the Eighteenth – First Half of the Nineteenth Centuries]. Salerno: Università di Salerno. 2014. 436 p.